

От других социальных институтов науку отличает то, что этот институт по историческим меркам молодой, еще, видимо, не завершивший процесс своего окончательного оформления.

А. М. Анохин
г. Санкт-Петербург

НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Антропогенный характер современной цивилизации, жесткая зависимость последней от деятельности человека, его отношения к миру определяют характер современной науки и социальной практики. Лучше всего противоречие между стремлением показать человека, с одной стороны, в его конкретной социальной реальности и, с другой, выявить его неизменную сущность, проявление человеческой субъективности, разрешается в важнейших научных направлениях XX века — социальной антропологии, ищущей новый образ человека социального, и экзистенциализме, признающем абстрактную свободу личности составной частью человеческой реальности. В этих дисциплинах одному из оснований человеческой сущности — научному творчеству, выступающему социокультурным феноменом, отводится значимая роль. Проблема научного творчества всегда привлекала пристальное внимание представителей общественных наук. «Ибо, — как отмечает Э. Тоффлер, — теперь уже несомненно, что знание, этот источник самой высокой власти, с каждой утекающей наносекундой приобретает все большее значение» [1, 574]. Социологию данная проблема касается рядом своих оснований. Прежде всего, изменилось и продолжает меняться само место социальной науки в современной жизни. Как отмечает В. В. Козловский: «Социология становится периферийной областью социальной информации. Из самостоятельного фрагмента и проблемного блока знаний об обществе социология превращается в коммуникативно-информационный контекст социального и гуманитарного познания» [2, 5]. Социальные процессы нашего общества становятся предметом сознательной, целенаправленной научной деятельности, что само предполагает творческие процессы в обществе и, соответственно, креативную составляющую психологии непосредственно исследователей. Научно-техническая революция вызывает соответствующие далеко идущие искажения в социальном пространстве и изменения во взаимоотношении фундаментальных и прикладных наук. Это, в свою очередь,

приводит к изменениям (как конструктивным, так и деструктивным) общества, к его кризисам и порождает новые виды деятельности, позволяет ставить вопрос об их прогнозировании и проектировании. Философские, социологические, педагогические и психологические системы XX века, отражая кризис человеческого бытия, апеллируют к тем или иным аспектам сущности человека. Ключевым моментом для понимания этой проблемы выступает социальная информация, которая представляет собой ориентирующее знание о состоянии социальной системы. Здесь информация — это ценнейший интеллектуальный ресурс в системе жизнеобеспечения общества и его инфраструктура [3, 50].

Особое значение в данном контексте имеет научное творчество в условиях информационного общества. «Информатизацию общества принято связывать с «информационным взрывом» (С. Лем), сущность которого состоит в экспоненциальном нарастании количества социально значимой информации» [4, 374]. Это явление наметилось в конце XVIII века в Европе и связано с нарастанием плотности и объема информации в нарождающемся индустриальном обществе. Процессы урбанизации, сопровождающие революционные буржуазные преобразования в социуме, начинают усложнять коммуникативную систему между людьми даже в условно однородном социуме. Социально-экономические и политические преобразования приводят к росту социальной массы рабочих и сокращению тружеников сельскохозяйственного производства, что способствует объективному увеличению информационных потоков, вызванному потребностями в более эффективном управлении. Научно-техническая революция высвобождает людей из сферы промышленности и, с созданием информационной инфраструктуры в обществе, расширяет сферу информационного производства, которое соединяясь с художественным, образовательным, научным и др. пространствами, приобретает, с одной стороны, свойства им черты, а, с другой, сохраняет свои особенности. Научное творчество, как и любое другое, постепенно становится непосильным (или закрытым, не имеющим социальной представленности) для одного человека и начинает принимать корпоративный, а затем и межкорпоративный характер.

Можно констатировать, что в этом процессе наблюдаются две противоречивые тенденции. С одной стороны, человек «втягивается» внешними силами в социальное пространство со своей субкультурой, нормой и границами. С другой стороны, человек становится более обособленным, безликим, ориентированным на внешние, зачастую чуждые ему ценности. Проблема отчуждения че-

ловека от сообщества (да и от себя самого) приобретает особую остроту в переломные эпохи, когда нарушается внутренняя целостность человека, его связи с внешним миром, размываются ориентиры его жизнедеятельности нравственного, общечеловеческого характера. Такие переломные эпохи вызывают состояние социально-психологического хаоса, «бездомности человеческого духа» (М. Бубер), доминирование прагматических тенденций в науке, поведении, мыслях, отношениях между людьми.

В этих условиях, на рубеже XIX—XX вв., с оформлением теории относительности А. Эйнштейна зарождается новая эра — эра глобальных процессов. Предметные области науки в большей степени начинают охватывать структуры микро- и мегамиров, расширяя спектр исследуемых вопросов. Как только ситуация в науке становится соизмерима с реальной, динамичной жизнью, тот набор средств, удовлетворяющий социум при классической постановке проблем, перестает его устраивать. Человек в информационном обществе оказывается без «проверенных» методик, которые он освоил в системе образования и культуре. Это приводит к соответствующим социальным изменениям. Возникает потребность в дополнительной информации, в соразмерных новых информационных структурах и субъектах этой социоинформационной среды. Более того, изменяются и требования к самому человеку, который взаимодействует с информацией. Он понимается как «открытый» носитель, хранитель и активный преобразователь информации, что уже предполагает научное творчество. Человек выступает как личность и как часть целостной системы, как субъект научного творения. Только в таком случае у него возникает возможность понять и принять современное научное сообщество, находящееся вместе с ним в данной информационной и культурной среде. Стоит отметить, что понятия «культурная среда» и «информационная среда» лишь отчасти имеют пересекающиеся, общие смысловые значения.

В информационном обществе возникает повышенная потребность в развитии информационных средств для создания, передачи, хранения, обработки, тиражирования информации, имеющих метауровень размещения и функционирования. Это приводит к созданию и развитию мировых информационных сетей: телеграф и радио, телефония и телевидение, мобильные и компьютерные и др. Любое комбинированное использование сетей носит глобальное основание, имеет внегосударственный, вненациональный, внеэтнический характер. Процессы и события во всех областях человеческого существования, характерные для XX — начала XXI века,

это, несомненно, масштабные, глобальные явления. К ним можно отнести связные между собой мировые экономические и политические системы (с соответствующими кризисами), две мировые войны (и третью — холодную), распространение глобальных болезней (таких, как СПИД), международный терроризм и многое другое. Все это соединено мировым информационным пространством, составляет единое мировое сообщество, имеющее информационную основу.

Научное творчество и информационное общество имеют, таким образом, общие основания, соизмеримую развивающуюся структуру. Однако нередко это приводит к затруднению или потере идентичности. Цивилизация строится на способности человека соотносить и координировать свои собственные условия деятельности и общения с условиями деятельности и общения множества других людей, осуществляющихся и в разное время, и в разных точках пространства. Информационная цивилизация объединяет людей не только незнакомых, но даже никогда не находившихся (и не могущих находиться) в одно время и в одном и том же месте. Человек должен был научиться не просто общаться с другими, чужими ему людьми, но и свободно чувствовать себя в ситуации общения с воображаемым партнером, с его знаково-символическими, виртуальными проявлениями в опосредованном общении [5, 63]. Поэтому наряду с развитием науки и информационных структур происходит развитие «семиотизации» общества — появление и развитие многочисленных знаковых систем, благодаря которым образуются многокомпонентное «информационное поле», представляющее собой специфическое информационное окружение человека. Возникает проблема информационной (коммуникативной) адаптации человека в обществе [4, 375].

Разрешение этой проблемы возможно через овладение механизмами и средствами информационной культуры, с одной стороны, и полноценной социализации человека в современном обществе (в частности, через механизмы научного творчества), с другой. В процессе исследовательской деятельности мы пришли к выводу, что для активной информативной среды творчество выступает фактором адаптации. Человек постоянно стремится опираться на постоянство, но неизменным является как раз то, что все изменяется. «Неподвижность просто невозможна в постоянно меняющемся мире» [6, 11]. Так как информационная среда — это динамичная, не определяемая однозначно структура, то соразмерной этому может выступать только творческая личность, которая в процессе научной работы трансформирует информацию в соци-

ально значимой среде. «Творческая личность» это не объективная, социально определяемая цель, а субъективная необходимость противопоставления личностного начала человека активной, стрессовой, изменчивой социальной среде — среде, в которой постоянно протекает информационный процесс. Исходя из этого становится очевидной необходимость формирования такой личности, которая могла бы противопоставить внешнему свое сущностное начало; безликой, деперсонализированной информации — личностные смыслы.

Социология чутко реагирует на кризисы человеческого бытия, актуализируя проблему поиска первооснов существования, сущности человека, делает идею человека главной парадигмой решения социально-политических, социально-психологических, социально-педагогических, собственно социологических и прочих проблем. В истории человеческой мысли такой подход получил название гуманистического. Эта возможность поиска исходя из гуманистических принципов для человека наиболее предпочтительна. Именно она дает то напряжение, которое необходимо и характерно для развивающегося человека в научном творчестве, а с принятием этой личностью ответственности начинает выступать фактором стабилизации и совершенствования общества. При возникновении глубинного, личностного резонанса у исследователя будет происходить эмпатическое (или резонансное) сочетание опыта двух или многих людей (группы). Это возможно при понимании своей индивидуальности, своей свободы, своих ограничений и норм. Познать себя в научной деятельности — значит приобщиться и сделать достоянием своей личности уже освоенную другими теорию и практику, отрицание которых в научном творчестве может привести к созданию и проживанию собственного опыта нового. Только в случае целостного, глубинного принятия сложившегося научного ресурса в теории и практике данного общества, при котором личность изменяет свои представления, мы можем говорить об его значимости для данного исследователя; «чужая» методика приобретает личностные черты и становится сущностью человека. Личностный компонент влечет за собой субъективную окраску социального открытого научного процесса и ориентирует приложить свой опыт в область человеческого социокультурного феномена — научное творчество.

1. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2001.

2. Козловский В. В. Практический смысл социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб., 2004. Т. 7. № 1 (25).

3. Социальные технологии: Толковый словарь / Отв. ред. В. Н. Иванов. М.; Белгород: Луч — Центр социальных технологий, 1995.

4. Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. М.: БРЭ, 1993. Т. 1.
5. Найдыш В. М. Философия мифологии. От античности до эпохи романтизма. М.: Гардарики, 2002.
6. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004.

В. С. Кондратенко
г. Екатеринбург

ВОСТОК И ЗАПАД: РОЛЬ НАУКИ В ФОРМИРОВАНИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Вопрос о существовании науки на Востоке и Западе является ключевым для понимания различия в сущности самих этих цивилизаций. Развитие научных знаний в том или ином виде оказывало влияние на формирование особого мировоззрения, культуры и менталитета в Европе и Азии.

Западная цивилизация исторически противопоставляла себя цивилизации восточной, вменяя ей в вину «ненаучность» и «отсталость». Формирование этого подхода происходило и было обусловлено исторически.

После того как европейская цивилизация начинает активное освоение мира, ей по необходимости приходится сталкиваться с представителями других народов и культур, уже заполнивших и превративших в ойкумену ту или иную местность. Естественно, что европейцы, стремясь как-то иерархически рассмотреть мир, «рассоставляют» различные общества на разные ступени развития. С точки зрения жителей западного мира с их представлением о едином направленном ходе истории и об участии всех цивилизаций в мировом процессе в равной степени, это является вполне допустимым. Поэтому, видя свое техническое превосходство, европейцы легко пришли к выводу: Восток еще не встал на путь технического прогресса, так как там не было научных революций западного типа, позволивших Западу вырваться вперед и диктовать всему миру свои условия.

Причем следует отметить, что вывод об отсталости Востока делается Европой именно на основании взглядов на науку и технику, остальные же параметры остаются в стороне, либо рассматриваются как несущественные. С точки зрения западного менталитета это вполне объяснимо: культура, ориентированная на развитие и готовая ради скорейшего усовершенствования на любые шаги, оценивает общества по степени их развитости именно в технологическом плане. Вообще же цивилизация Запада ставит себя